

УДК 130.2:316.42

О.А. Украинская

Харківський національний університет радіоелектроніки,
асист. каф. філософії

РИСКОЛОГИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ «ОБЩЕСТВА РИСКОВ»

Статья посвящена рассмотрению современных подходов к пониманию рискологической проблематики У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, представленных в социологических концепциях «общества риска». Сделан вывод о том, что в социальной философии формируется новая парадигма в исследовании современного общества, в основании которой лежит представлении о социокультурных рисках, являющихся определяющим фактором общественного развития.

Ключевые слова: риск, рискология, общество риска, рискогенные ситуации.

О.О. Українська

РИЗИКОЛОГІЯ: СОЦІАЛЬНО –ФІЛОСОФСЬКИЙ ПІДХІД ДО ДОСЛІДЖЕННЯ «СУСПІЛЬСТВА РИЗИКІВ»

Стаття присвячена розгляду сучасних підходів до розуміння ризикологічної проблематики У. Бека, Е. Гідденса, Н. Лумана, визначених у соціологічних концепціях «суспільства ризику». Зроблено висновок щодо того, що в соціальній філософії формується нова парадигма в дослідженні сучасного суспільства, яка формується на базі уявлень про соціокультурні ризики, що є визначним чинником суспільного розвитку.

Ключові слова: ризик, ризикологія, суспільство ризику, ризикогенні ситуації.

O. Ukrainskaya

RISK SCIENCE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL APPROACH TO “RISK SOCIETY” RESEARCH

The article is devoted to the consideration of modern approaches for U. Beck, E. Giddens, N. Louman risk problematics understanding, represented in sociological “risk society” concepts. Conclusion was made about new social philosophy paradigm formation in research of contemporary society, that has an idea regarding sociocultural risks being a deterministic factor of social development as its basis.

Keywords: risk, risk science, risk society, risk-generating situations.

Риск тесно связан с историей общественного развития и существовал всегда, поэтому знания о рисках были и будут востребованы. Риск многогранен, вездесущ и неизведан, хотя на первый взгляд, о нём уже всё сказано, потому как исследования ведутся давно и постоянно, представителями значительного числа наук (математики, экономики, философии, социологии, психологии, политологии, юриспруденции, военного дела, экологии и других наук). Каждая из наук описывает риск со своей точки зрения, строит схемы, выявляет закономерности и связи, вырабатывает теорию и предлагает методики управления и минимизации риска. Если раньше научные исследования были в основном сосредоточены в рамках естественнонаучных и экономических дисциплин, то в настоящее время *актуальным* представляется

выделении отдельного междисциплинарного направления – рискология [1], которое О. Ренном предложено рассматривать как «особую отрасль социального знания» [2].

К рискологическим исследованиям относятся: теоретические доктрины «общества риска», представляемые У. Бекон, Э. Гидденсом, Н. Луманом; «концепция социального усиления риска» Р. Касперсона; «психометрическая парадигма» риска П. Словика, С. Лихтенштейна и Б. Фишхоффа. Вопросам рискологии посвятили свои работы и такие зарубежные исследователи как О. Ренн, Л. Шоберг, Ф. Найт. Проблемы рискологии изучаются украинскими учеными: разработке моделей пространственного распространения рисков посвящены исследования Е. Головахи; институционализации экологических интересов в обществе социогенных рисков касаются исследования А. Стегния; проблемы рискогенности современной науки исследует философ В.Ф. Чешко. В российском научном знании вопросами рискологии занимались Б. Порфирьев, А. Пригожин, В. Осипов, О. Яницкий, А. Мозговая, Ю. Зубок, В. Зубков, А. Мозговая, С. Никитин, К. Феофанов, Н. Смакотина, К. Исаев.

Степень разработанности рискологической проблематики велика, в связи с особой актуальностью вопросов данной тематики. Именно поэтому основной *задачей* данной работы является сравнительный анализ трансформаций методологических оснований исследования современного общества, в котором значительная роль принадлежит социокультурным рискам.

Российский социолог О.Н. Яницкий выделяет два базовых направления понимания риска в рискологии. Первое он называет реалистическим. Его база – понятие опасности, а также утверждение о возможности вычисления её наступления и калькуляции последствий. В этом случае риск определяется как «продукт вероятности возникновения опасности и серьезности (масштаба) ее последствий» [3, с. 7]. В данном случае риск рассматривается как нечто объективное, независимое от социальной и культурной среды, познаваемое, измеримое и, следовательно, в определенной степени предсказуемое. Это направление практикуется техническими дисциплинами, экономикой, статистикой, теорией вероятности и др. Недостатком данного подхода является невозможность исследовать социальные и культурные аспекты рисков и их влияние на степень безопасности отдельного человека и общества в целом. Второе направление социолог обозначил как социокультурное, в котором риск рассматривается в качестве социального конструкта, укорененного в культуре, социальных отношениях и социальных институтах общества. В рамках этого направления существует два подхода. Согласно первому подходу риск рассматривается в качестве «объективно существующей опасности», опосредуемой социальным и культурным контекстом. Согласно второму – риск, в отличие от опасности, – социальный конструкт, продукт исторически и культурно обусловленной интерпретации [3, с. 8].

В рамках социокультурного подхода исследователи поставили вопросы о природе риска и его соотношения с опасностью, о его месте в жизни современного общества и о теоретико-методологических основаниях исследования риска. Одним из первых это сделал немецкий ученый У. Бек, автор концепции «общества риска».

Фундаментом перехода от индустриального общества к обществу риска, как считает У. Бек, является «смена логики распределения богатства в обществе, основанном на недостатке благ, логикой распределения риска в развитых странах модерна» [4, с. 21]. При этом развитие производительных сил, технологий, прогресс науки, «подчинение» природы порождают риски, превосходящие те, которые порождались неразвитостью науки и технологий, бедностью, бессилием перед природой. Современные риски, как утверждает Бек, продукт рефлексивной модернизации (то есть модернизации модернизации), отличаются универсальным характером и сопряжены с формированием качественно новых «социально опасных ситуаций». Речь, прежде всего, идет о том, что риски приобретают цивилизационный

характер, они заложены в основе капиталистической цивилизации «индустриального Запада» – в бесконечном росте потребления, что способствует развитию экономики, но одновременно превращает этот рост из средства снижения угроз и рисков в источник их постоянно увеличивающегося воспроизводства.

Общество риска У. Бека связано с процессом «субполитизации» как распространения «политического» на все сферы жизнедеятельности человека, которые ранее находились вне политики: экономику и производство, науку, экологию и т.д. Вследствие этого процесс «субполитизации» порождает свои риски, состоящие в проблемах принятия политических решений на основе плюрализма знания, утверждаемого экспертными сообществами. В целом, обусловленное неизбежностью рисков, чувство неуверенности и страха становится, с точки зрения У. Бека, новым фактором образования и поддержания социального порядка, основанного на расширении сферы «политического» через делегирование ей проблемы интерпретации рисков [4, с. 59 – 60]. Исследователь подчеркивает, что политический потенциал общества риска должен быть проанализирован социологической теорией в терминах производства и распространения знаний о рисках, поскольку социально осознанный риск политически взрывоопасен, то есть то, что до сих пор рассматривалось как неполитическое, становится политическим.

Риски, как утверждает Бек, постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества – экономической, политической, социальной [5, 6, 7]. У. Бек отмечает, что в развитом обществе социальное производство материальных благ синхронизировано с социальным производством рисков. Поэтому проблемы и конфликты, возникающие во время распределения дефицита в обществе, объединяются с соответствующими противоречиями, которые возникают в результате производства и распределения рисков, порожденных научно-технической сферой общественной жизни. У. Бек выделяет основные характеристики общества риска. Прежде всего, риск «демократичен», поскольку он всеобщ и неустраним, и рано или поздно поражает тех, кто его производит и на нем наживается. Этот процесс немецкий социолог называет «эффектом бумеранга» современной цивилизации. Также он называет общество риска катастрофическим, когда «исключительные условия» превращаются в норму повседневного бытия, риск всеобщ и выхода нет, люди перестают думать об опасностях. Такой «фатализм позволяет маятнику индивидуальных и общественных настроений качаться в любом направлении. Общество риска переходит из состояния истерии к отрешенности, и – наоборот» [6, р. 36-37]. И для того чтобы, как считает У. Бек, в «обществе риска» была возможность осуществлять эффективный социальный контроль и управление: необходим переход к самокритичному обществу, стремящемуся к самотрансформации.

Социолог Э. Гидденс видит специфику современного общества рефлексивного модерна в особом статусе риска. Этот статус состоит не просто в увеличении рисков, а, прежде всего, в том, что мышление в рамках понимания риска и его оценки превратились в свойство и экспертного, и массового сознания [8, с. 119]. Общество интерпретирует, осознает себя в категориях риска, неуверенности и необходимости выбора. При этом рисками чревата любая ситуация – бездействие также рискованно, как и инновационное действие. Э. Гидденс солидарен с У. Беком в том, что риски – продукт деятельности человека, а не внешней угрозы, и порождаются институтами общества рефлексивного модерна: «мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, которые приходят к нам извне» [9, с. 50]. Но, как считает Э. Гидденс, институты общества «рефлексивного модерна» порождают риски не только в силу соответствующей динамики общества, «отменяющей» стабильные структуры индустриального общества, но и в силу того, что

в условиях глобализации происходит их «освобождение» из локальных контекстов с определенной пространственно-временной привязкой.

И У. Бек, и Э. Гидденс связывают становление общества риска не только с модернизацией как таковой, но и с глобализацией. Связь глобализации с рисками они понимают по-разному. Для У. Бека глобализация является предпосылкой единого мира (общества «без границ»), в котором нет «укрытий» от угроз и рисков. Для Э. Гидденса глобализация – это фактор отрыва индивидов, социальных групп, институтов от привязки к локальным социокультурным ситуациям. В условиях глобализации разрушаются социальные связи, которые в традиционных и индустриальных обществах выполняли функции формирования социального порядка: давали индивиду стабильность, чувства надежности, уверенности в будущем и защищенности, однако, вместе с тем, сковывая его инициативу, ограничивая свободу, подчиняя личность определенным социокультурным условиям. Разрушение же этих связей освобождает индивида от традиционных ограничений, лишает его надежности и уверенности, повышает чувство тревожности и страха перед необходимостью выбора. У индивида не остается возможностей положиться на традиции или «переадресовать» кому-либо (сообществу, лидеру, специалисту, эксперту) бремя принятия решения в ситуации риска. Поэтому, утверждает Гидденс, глобализация порождает общество риска как состояние всеобщей озабоченности, неуверенности и страха. Социальные институты глобального общества создают «среды риска», заложенного в их природе – инвестиционная деятельность, финансовые рынки и т.д. Воздействию институционализированных систем производства риска подвержен практически каждый, независимо от того, является ли он членом системы или нет. Различие между институционализированными системами производства риска и другими его формами в том, что в первом случае риск является в большей степени основой построения систем, чем случайностью.

Э. Гидденс считает, что функциональность социальных институтов в условиях постоянного риска обеспечивает доверие к «абстрактным системам», сохраняющим, в силу безличности, динамичное постоянство и в условиях глобализации. К ним относятся деньги, системы экспертного знания и т.п., в меньшей степени зависящие от локальных контекстов и потому вызывающие доверие. Доверие Э. Гидденс трактует как условие снижения (минимизации) риска. Там, где есть доверие, хотя бы потенциально существуют альтернативы. Там, где альтернативы действия не принимаются во внимание, там индивид находится в ситуации уверенности. «Различие между доверием и уверенностью зависит от возможности фрустрации вследствие собственного предыдущего поведения и от различия между риском и опасностью» [8, С. 126]. Большинство случайностей, воздействующих на людей, по мнению Э. Гидденса, создано ими самими.

В концепции Э. Гидденса риск анализируется на уровне социальных систем и является результатом модернизации. Ученый анализирует риск с позиций глобализационных процессов, а также особой специфики распространения современных рисков. Он предполагает возможность усиления риска в результате непреднамеренного побочного действия каких-либо факторов, тех или иных человеческих действий. Всякое социальное действие, по мнению Э. Гидденса, – рискогенно. Социальное действие возникает в результате принятия решения, которое основывается на доверии к социальной системе. Риск и понятие «доверия» в интерпретации Э. Гидденса тесно связаны. Доверие существует: в контексте признания факта, что человеческая активность по сути своей рискогенна; трансформации вследствие динамического характера современных социальных институтов [10, р. 34]. То есть, отсутствие доверия может привести к деструктивным последствиям для социальной системы. Э. Гидденс разграничивает теории модернизации и постмодернизма, считая риск одной из четырех атрибутивных черт «высокой

современности» (или «поздней современности») [11, с. 131]. При этом атрибутивность риска в условиях «высокой современности» определяется принципиальной неуправляемостью целого ряда ситуаций и процессов, угрожающих не отдельным индивидам и небольшим сообществам, а человечеству в целом. Атрибутами современной социальной действительности он считает универсализм, глобализацию, институционализацию риска, а также усиление риска в результате непреднамеренного побочного действия некоторых факторов, тех или иных человеческих действий. Э. Гидденс выражает большую надежду на минимизацию риска и предлагает своё видение перспектив риска. Его обсуждение риска изложено в рамках гипотезы относительно общих перспектив безопасности жизни. Ученый полагает, что будущее отнюдь не обязательно детерминировано какими-либо однозначными тенденциями, которые были бы связаны с катастрофами: «Мир не рассматривается как смена событий в определенном направлении..., но как образование, обладающее собственной формой» [12, р. 109].

Социологическая концепция риска немецкого социолога Н. Лумана основана на таких категориях как решение, технология, коммуникация. Данная концепция напрямую связана с критикой рациональности современного общества. Н. Луман обращается к онтологическим основаниям изучения риска. По его мнению, риски ставят под вопрос рациональную природу деятельности человека. Риск возникает из множества контингенций (т.е. случайно). Как считает социолог, анализ риска в терминах рационального социального действия не вполне адекватен. Никто не может полностью измерить риск. Роль рациональности в том, чтобы научиться избегать ошибок, вырабатывать «иммунитет» против неудачи. Здесь риск принимает формальное выражение в виде вероятности. То есть, речь идет о контролируемом расширении области рационального действия. Само представление социального действия как рискогенного дает шанс избежать потерь. По мнению Н. Лумана, «отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности» [13, с. 148]. Проблема риска возникает в результате принятия решений в конкретных контекстах, утверждает Н. Луман. К примеру, уровень приемлемого риска различен для тех, кто принимает политические решения, и тех, кого эти решения затрагивают. Н. Луман предлагает реализовать «строго социологический подход, состоящий в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций – включая, конечно, и сообщения в коммуникации об индивидуально принятых решениях» [13, с. 146]. Определение понятия риска зависит от наблюдателя: что для одного является риском, для другого – опасностью. Риск, по Н. Луману, относится к сфере субъекта, активно относящегося к миру и принимающего решения. Опасность же является продуктом среды и относится к объекту [13, с. 151 – 152].

Можно согласиться с О.Н. Яницким, что исследования Н. Лумана направлены на выявление «точек роста» рисков в социальных и политических основах современного общества и на поиск путей возвращения к утраченному им состоянию «нормальности» [1, с. 15]. С точки зрения Лумана, риск является обратной стороной нормальной формы, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы можем распознать ее как форму» [14, р.8]. Также Н. Луман подчеркивает, что в современном обществе нет поведения, свободного от риска. Не существует абсолютной надежности или безопасности, невозможно избежать риска при принятии решений. Наши знания не увеличивает вероятность перехода от риска к безопасности. Н. Луман придерживается точки зрения, что «современное риск-ориентированное общество – это продукт не только осознания последствий научных и технологических достижений. Его семена содержатся в расширении исследовательских возможностей и самого знания» [14, р. 18 – 28]. Современная коммуникация, по Н. Луману, является тем средством, с помощью которого общество как система производит и воспроизводит себя.

«Бессмысленно говорить о том, что современная технология «рискованна», – утверждает Н. Луман, – только коммуникация о технологии, коммуникация о решениях по поводу использования/неиспользования той или иной технологии может быть «рискованной»: коммуникация, результатом которой станет формирование критерия выбора между альтернативами» [14, Р. 10]. Таким образом, чем более рациональными и детальными становятся наши вычисления в отношении риска, тем больше аспектов, включающих неопределенность по поводу будущего и, следовательно, риска, попадает в поле нашего зрения.

Рассмотрение аспектов современных подходов к исследованию риска позволяет сделать следующие выводы: «общество риска» – это фактически новая парадигма общественного развития. Её суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключающаяся в накоплении и распределении богатства, всё более вытесняется «негативной» логикой производства и распространения рисков. Таким образом, общество «втягивается» в «общество риска» главным образом потому, что неререфлексирует ситуацию должным образом и вследствие этого производит все большее количество рисков. Неререфлексирующее общество на первое место по значимости продолжает ставить производство благ, а не минимизацию генерируемых в результате этого производства рисков и опасностей [4]. Анализ современных рисков позволяет выйти на разрешение проблемы безопасности и устойчивости общественного развития, осмыслить механизмы минимизации («смягчения») рисков и оценить их эффективность, а также снизить уровень производства рисков.

Перечень ссылок

1. Яницкий О.Н. Социология и рискология [Текст] / О.Н. Яницкий // Россия: риски и опасности «переходного» общества. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – С. 9 – 35.
2. Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты [Текст] / О. Ренн // Вопросы анализа риска. – 1999. Т. 1. №1. – С. 80 – 99.
3. Яницкий О.Н. Социология риска [Текст] / О.Н. Яницкий. – М.: LVS, 2003 – 192 с.
4. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Beck U. The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization/ U. Beck // Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. – P.1 – 55.
6. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – L.: SAGE, 1992.
7. Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society / U. Beck. – New Jersey: Humanities Press, 1995
8. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность [Электронный ресурс] / Э. Гидденс // Thesis, 1994. – №5. – Режим доступа: www.igiti.hse.ru/data/417/313/1234/5_2_1Gidd.pdf – 14.04.2011
9. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
10. Giddens A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 1990.
11. Штомпка П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996 – 416 с.
12. Giddens A. Modernity and Self-Identity / A. Giddens. – Cambridge: Polity, 1991.
13. Луман Н. Понятие риска [Электронный ресурс] / Н. Луман // Thesis, 1994. – №5. – Режим доступа: www.ecsocman.edu.ru/data/429/174/1217/5_2_2luhm.pdf – 14.04.2011
14. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory / N. Luhmann. – N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.